

* * *

Ослеп от послесловия... Закат губной помадой реет по каемке кофейной чашки. Встретимся, пока спят отроки и прочие потомки. Спят, запинаясь... В комнате бардак. Свобода, словно школьница, послушна, и все-таки не столь желанна, как лицепрятна и прекраснотушна... В автомобиле траурным ремнем я пристегнулся не ради ритуала. Чем ближе смерть, тем глубже водоем сознания, что можно быть вдвоем в любой доступной плоскости квартала, микрорайона, города, страны, империи, галактики, вселенной, господь с тобою, мы запрещены и замкнуты судьбой военнопленной. Не умирай напрасно, все равно не сможешь, не сумеешь, не уладишь...

Мелькают тени там, где нетемно, сирены воют, стелется руно, как в "Одиссее" или в "Илиаде"... Ах, детская растерянность в ночи, в раю, как в заповеднике, молчи, запрещены упреки и угрозы, прикосновенья, тайны, но ключи вторые, но источники, но слезы...

* * *

Угол медвежий и колокол бычий, жертва фигуры - чудесный обычай, шахматный пряник, заплаканный взгляд. Ночь, Рождество, отсыревшие спички, а в коридорах свистят электрички, звезды взрываются, пробки летят. Будь осторожен и обезоружен, Ноев ковчег протекает снаружи. Будь осторожен... ну как же не быть, если по-прежнему весело жить я остаюсь в темноте монотонной, в обетованной, в железобетонной, где на Пьеро так похожа свеча, на куклу склановца и на врача. Выдохнешь - и навсегда прекратится чередование лиц, вереница масок, тревожная масса свечи, сумрак стреножен, довольно, молчи... Страсть простирается дальше пространства, смерть притворяется музыкой Брамса, женщина целится в область плеча, над Вифлеемом погасла свеча. Завтра опять снегопад и опала, бедная родина Сарданапала, плавает облако в кружке пивной, напоминая о жизни иной.

* * *

Я встречи никому не назначал. Заика произносит: гигиена, - когда гиена бродит по ночам под окнами. Иллюзия мгновенна - жизнь выпала и тает откровенно, почти бесследно. Хватит, не шути, почти бесследно, значит, не уйти от участи быть пойманным, от членства в заложниках, от слов, от совершенства, от совершенной глупости. Дитя, жизнь несводима к женщине, хотя ты вся в слезах и на краю блаженства. Ты вся в слезах и выше всех обид, шальная тень под окнами скулит безжалостно и жаждет верховенства.

* * *

Хорошо мне под горку Сизифов маршрут повторять, погрязать в подкорку, сдавая последнюю

пядь, окровавленной лапой ступать в ирреальность окна.

Керосиновой лампой ущербная тает луна в пустоте небосвода в тлетворном своем ореоле. Уж такая природа - во всем виноват априори.

От начала и вплоть до конца азиатского века Бесплезная плоть презирает в себе человека. Разворован предел в беспредельной чреде эволюций, но к тебе я не смел, но к тебе я не смел прикоснуться.

* * *

Слепым дождем и нежностью слепой я переполнен, кажется, в любой

Нежная ненависть новостей, страсть утоленная в пересудах.

Вербные сутки, запретный плод, нервные клетки, цветные клетки. Выключи радио, скройся от всех,

начинается новый год - Жизнь промелькнула как тысячелетье...

* * *

Дебелый дебил изнутри децибела не видел ни зги и не ведал в чем дело. Блаженны пророки, но отрок блаженней не сделавший мне никаких одолжений.

Я спрячусь от ветра за плотной чертою, зовущейся бедностью и нищетой.

Умолкло шоссе, сигарета погасла, и жизнь входит в русло, как нож входит в масло.

Сотру твоё имя на влажной иконе, и конь Фальконе подскользнется на склоне, на троне гранитном, на корке арбузной, на проводе голом во мгле заскорузлой.

Я белая кость, я не тлел в Холокосте, не мерз в Златоусте, не спал на помосте. Я каменный гость на зеленом погосте, Алкавший не чуда, но страсти нетленной, зануда счастливый на кривоколенной дороге ведущей бог весть от кого.

А впрочем - я умер от нежности детской, от женщины умной, от жизни советской. Круги под глазами и арки, и дуги, а впрочем - я умер бы возле подруги...

Коснется щеки и попросит прощенья за то, что не знает пощады и мщенья, за то, что не ведает дна моего. Улягутся волны и выглянешь с трюма - Пустынная сумма, а шума-то, шума как много рождается из ничего...

* * *

О будущем скорблю, но юность невредима, попробуй, утай.

Как тридцать лет назад Орфей и Эвридика, навстречу мне спешат родители мои.

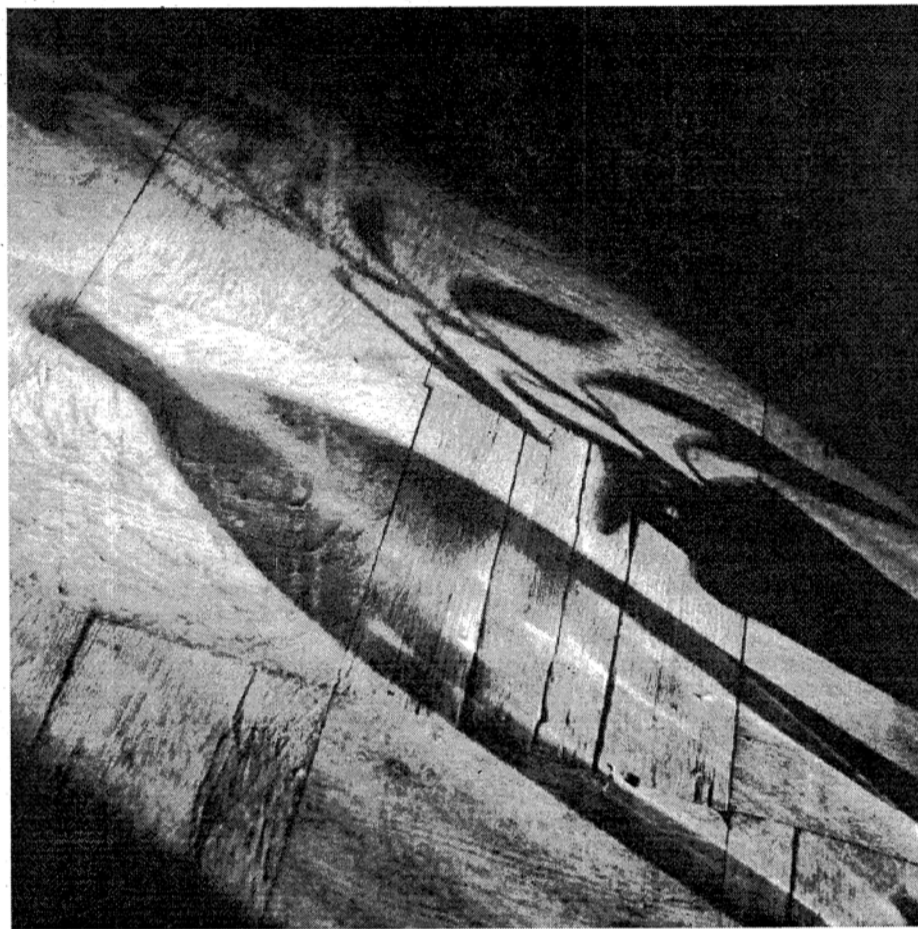
Погрейся на ветру, на линии провала, запомни и забудь непрощенных гостей. Родители мои - два дряхлых покрывала несбывшихся страстей.

Ночная немота цветет и хорошеет, где прежний пиетет, где зверский аппетит?.. Безумный пес Сатурн, закованный в ошейник, навстречу мне летит.

Среди ночных огней я подержусь за сердце, уже не умереть среди ночных огней. Единороги и единоверцы не стоят легкой памяти твоей.

Осиротевший мир дрожит волнообразно. Кто говорил, что жизнь излишне коротка... Страх воскрешает всех, подавших соблазну, как паводок весной, сорвавшись с поводка.

СЕРГЕЙ ЛЕЙБГРАД

Мария Снигиревская. Без названия, 1993.

РОДИНА САРДАНАПАЛА

момент неотвратимо, внутривенно, но мой тяжелый случай невесом, смотреть на смертных - это ли не сон, сомкну ресницы, тотчас, непременно слепым дождем и нежностью слепой я переполнен, я еще живой,

бессмертия беспечного сакральность я ощущаю сумрачной душой и разноцветным зрением... Реальность звенит, как на вокзале духовой оркестр, я провожаю город твой, твое лицо... Томительно, как соты шершавым медом заполняет рой, я заполняю свежие пустоты

слепым дождем и нежностью слепой.

* * *

Капище, скопище рук и ног, лиц заторможенных на перегоне. Мафусаил или бог Сварог, в городе завороток дорог, ты неизвестно в каком вагоне.

Ты в безопасности, но везде шрамы на тонких твоих сосудах.